

Михаил Буканов

Трёп

пьесы

Михаил Буканов

Трѐп. Пьесы

«Издательские решения»

Буканов М.

Трёп. Пьесы / М. Буканов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852467-7

Уважаемый читатель! Автор прост как тот самый Панько Рудый у пана Гоголя, который вдруг взял, да и пустил в жизнь несколько очень самобытных историй, давно зачитанных до дыр всеми нами. Итак, панове и граждане, дамы и паненки, а также господа из мира мне лично недоступного, то есть, прозаики и поэты! Тут всё для вас. С Божьей помощью приступим. И, как говорят мои нынешние сограждане, наслаждайтесь!

ISBN 978-5-44-852467-7

© Буканов М.
© Издательские решения

Содержание

Русский Рокамболь!	6
Арабская сказка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Трём Пьесы

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-2467-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русский Рокамболь!

Феерия с персонификацией (фантастическая пародия)

Действующие лица:

Брыня-персонаж клоунской сказки.

Домовой Сотовый.

Супель-Карго – французский половой разбойник.

Нинель Неудавако – добрая безотказная женщина.

Литературные персонажи, герои, прочие проходимцы. Глухой лес. Костёр.

Нинель: Господа! Как то мне здесь не очень уютно. Кто бы мне объяснил, каким образом я, существо некоторым образом утончённое, да и прилично стоящее, бесплатно провожу время в глухом лесу в компании мужчин? Мы вообще-то живы, или как? Последнее, что я помню из предыдущего, мадам наша – госпожа Бланш Гандон – объявляет о начале рабочего дня, ночи конечно, и тут всё куда то пропадает. Я как без чувств, и вот сижу тут и на вас смотрю. Кто бы нас друг другу представил? Молчите? Хорошо! Пусть я, слабая женщина, буду первой.

Брыня: Не надо, мадам! Я вас боюсь! В смысле, что вы будете у меня первая. Я и сам всё расскажу. Сижу на арене, никого не трогаю, тырсу ем. И, как мне и положено, мечтаю завтра на арене, либо слона поднять, либо так всех рассмешить, что бы в прямом смысле животики лопались! Представляете, кишки наружу, вонь прёт страшная, кровяца! Одно слово, здорово! А я бы их чинил магическим способом. Только я ещё не придумал как. А ещё хорошо на плиту чугунную из под купола головой вниз сигать. Надо только детали продумать!

Сотовый. А ещё хорошо, когда все зрители в зале в дерьме, а ты под куполом в белом фраке и перчатках. Ты кто такой будешь то?

Брыня: Клоуны мы. Только не из реальной жизни, а из сказок и анекдотов. Так что ты почти угадал. Есть среди нас такой аттракцион для зрителей. А вы, я извиняюсь, кто сами-то будете? Видик у вас странный.

Сотовый. Домовой я. Прошу обратить внимание, не леший, не водяной, не вагонный, наконец, домовой. А где тут дом то? Я вас спрашиваю? Я хоть и существо полусказочное, но, не в лесу обретаюсь. Интересуюсь спросить, а кто это меня из подвала, то-есть, из под крыши дома моего, сюда переместил? Кому это в голову сущеглупую и пустую пришло, а, тем более, понадобилось? А так, я есть существо, присущее практически всему национальному, но, завишу и от отечественного. Никоим образом не интернационалист. Понятно?

Брыня. Не очень! Господа! А давайте играть в фанты. На раздевание.

Сотовый. И вопросы с загадками задавать. Вот первый – что всё это значит? Кто мне ответит?

Голос. Я вам легко отвечу, на все вопросы. Когда я в пятку мечу, страдают носы! А, может быть, носы. А я смеюсь в усы! Разрешите представится. Герой не написанных плутовских романов, разбойник в натуре и актёр в душе, барон Супель-Карго, собственной персоной. Существо, состоящее из сплошных противоречий. Поскольку, с одной стороны, во мне умирает глубоко загнанный в извилины моего сознания артист, а с другой, рядом с ним легко уживается местечковый портняжка. Также и с национальным происхождением. Мама моя, урождённая баронесса Карго, сплела свою судьбу с местным проходимцем Беней Супелем, успешно покинувшим пригороды Одессы и немного мараковавшим в портняжничестве. Но, основным его занятием было хлопотное дело по возвращению девицам девственности, поисках матримониальных, или просто так переспать за деньги вариантам, сводничеству и поставке сладкого

товара желающим. Как говорят газетчики, живого товара обоого пола. На любителя. У нас во Франции это давно принято. И девиз французских буржуа существует. «Пей, всё что горит, трахай, всё что движется»!

Нинель. Что-то слышится родное. Осинами русскими и портянками казарменными потянуло. Говоря, что и наш император Пётр Первый такими делами не брезговал. Ну, с его-то авторитетом и статью любого уговорить можно. По обоюдному согласию, мы отчебучим катавасию! Придворный призыв! Но, я сторонница мониторинговой системы. Товар-деньги-товар. Типа. Мои достоинства – товар, тебе любовь – а мне навар! А коль товар уже при деле, здоровый дух в здоровом теле! И все довольны, все «Ура», идёт любовная игра. Златой телец в ней побеждает. Спрос вдруг возрос, затем спадает. Это метафора, господа. Или гипербола. Я уже давным-давно всё забыла, чему в прогимназии обучалась!

Во время этого монолога из окружающего пространства выходит человек в костюме, смешанного типа. – французский дворянин века 17 и местечковый еврей той же поры.

Сотовый. Явление Делакруа народу. Сейчас начнёт на баррикады звать. Санкюлот позорный! Ты что ли сын несчастных родителей будешь?

Супель-Карго. Противный мерзутник! Ты хоть знаешь, с кем имеешь поговорить перед своей неожиданной, но, мучительной смертью? Я стхашный газбойник, чёгный и сегый ужас здешних мест. Называй меня почтительно Пахамоном, или я тебя на одну ладонь положу, другой прихлопну. Только бхызги во все стохона! Вот тогда будешь знать, как со стагшими вежливо разговаивать. Фогшмак недоеденый. И пехесолёный.

Брыня: Ребята! Давайте жить дружно! Вы знаете, для нас, клоунов, главное реприза. Вот, например, встречает Штирлиц Чапаева и говорит: Василий Иванович! А Мюллер с Анкой спит. И Петькой не брезгует. Надо бы Фурманову сообщить. Зачем? – спрашивает Чапаев. Тут все в зале молчат, ответ ждуть! И администрация тоже. А мы с братаном в это время сейф цирковой от слона отвинтили и выносим. Под всеобщую тишину.

Карго: А какой ответ то?

Брыня: Да не знаю я. Мы с братаном тогда дёрнули, а потом с Барнумовским цирком в Европу на гастроли подались.

Сотовый: Ну и как?

Брыня: Брату десять дали во Франции, а я вот здесь сижу. И не знаю, что хуже! Я хоть и персонаж, но, с нормальными родственными отношениями. А в тюрьме сидеть всегда плохо, хоть наяву, хотя бы и в сказочной ситуации.

Гаснет свет. Затем высвечивается в углу современная комната. Модерновая мебель. Мягкое кресло. На столе компьютер.

Автор. Куда-то меня не в ту степь занесло. И ружья на стене нет. И никто не говорит «Верю»! Два-три намёка на сексуальную ориентацию дело не поправят. Вона что на сценах идёт. Голые бегают и сношаются. Не отходя от прилавка. Никого ничем не удивишь. Подумаешь, правда жизни. С себе подобными трахаются пять процентов общества, а толковины вокруг процентов на сто! А тут недавно трагедия в галерее у Гельмана была. Стояли у стены стеклянные банки с дерьмом под названием инсталляции №.. А кто-то одну с****ил. Может анализы хорошие понадобились. Так крику было! Нарушена художественная целостность как композиции, так и замысла автора. Покушение на святое право художника излагать своё «Кредо», оно же «Профессион де фуа, «оно же «символ веры». Прямо как у Зофии Понияд кликух! Шрама поперёк горла не хватает. Ну, да, ладно! Поправим ситуацию. Что я, не Создатель что ли? Криэйтор, так сказать! Значит дело было так: комната исчезает.

Трибуна Государственной Думы. Выступает депутат Брыня, ЛДПР:

Господа депутаты! Я хочу вам задать вопрос. Любите ли вы цирк? Любите ли вы цирк так, как люблю его я? Я смотрю на некоторое оживление в рядах господ коммунистов. Небось подумали-тайное стало явным. Мол, мы всегда говорили, что представители нашей фракции,

т. е. ЛДПР, ненормальные, и вот подтверждение! Ответственно заявляю, не дождётесь! Скорее мистер Зюганов выстрелом из носового орудия крейсера «Аврора» объявит о наступлении новой эры, о необходимости которой он так часто и тяжело вздыхает! Я говорю вот о чём. Скоро очередная годовщина Октябрьского переворота. Для одних-трагедия, для других-история, но, можно ведь и с другой точки зрения. посмотреть. Господа! Вспомните Шекспира. Жизнь-театр, со времён средневековья сведения эти перестали представлять для нас какой-либо секрет. Надо копать глубже и экскаватором, а не лопатой. Ибо, именно там и сидит злоебучая камнеедка из анекдотов. Вспомним же люди святое, параллельное и ключевое с фиолетовым: Орешек знаний тверд. И расколоть его поможет наш лом и в целом Ваша мать! Извините, несколько отвлёкся! Так я про цирк. Господа, депутаты! Надо обладать поистину трагической и безграничной любовью к цирку и такому разделу циркового представления, как пантомима, что бы утверждать, Владимир Ильич Ульянов-Ленин, практически уничтоженный болезнью, не могущий не только говорить, но и самостоятельно есть, с парализованной правой рукой, в 1923 году написал свои, всем известные и наделавшие столько шума работы, как «Письмо к съезду», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин?», и дал распоряжение об их доставке на очередной съезд Коммунистической партии. Вы в своём уме, господа? Довожу до вашего сведения совершенно секретную новость. Нашей партией осуществлялось финансирование и поддержка проекта под кодовым наименованием «Ложка дёгтя». В настоящее время аппаратура проходит полевые испытания и даёт возможность получать первые, вполне сенсационные материалы. По согласованию с руководством страны и Думы, сего дня производится первая демонстрация полученных в ходе эксперимента материалов. Прошу всех участвовать, господа! Свет гаснет. На второй половине сцены спальная комната Ленина в Горках, год 1923, весна, Ленин в инвалидном кресле. Рядом за столом что-то пишет Мария Ильинична Ульянова, раскуривая огромную фарфоровую табачную трубку. Это та же актриса, игравшая Нинель. Ленина играет Карго.

Ульянова: Володя! Сегодня утром башмаки Надины от сапожника принесли. Ты себе даже представить не можешь. Так аккуратно заплатил, сердце радуется. А то Надюша вечно с мокрыми ногами была!

Ленин одобрительно мычит.

Ульянова: И ещё, Володя! Ты вот всё переживал, что Инесса Арманд умерла. Так это ты зря. Ну, сам подумай. У неё от семи мужиков шестеро детей. И что, что она одного Володей назвала? Мне Мальков говорил, у неё и с солдатами охраны было, и чуть ли не со всем Кремлёвским оркестром. Умерла и умерла. Как наша мама говорила: Еген дас зайне! А вот и шум какой то за дверью. Похоже, Надя вернулась. Она сего дня на комиссии Наркомпроса была. Решение интересное принимают. Ввести вместо педагогики педологию. А в школах единый тестовый экзамен – ЕГЭ называется. Может и выйдет чего. Нас в гимназиях классических не плохо обучали. И зачем целое ломать, а новое придумывать? Разве что магистров, да докторов наук прибавится в Народном просвещении. Которые эту новую муть внедрять станут!

Ленин: Гмм. У!

Стук в дверь. Входит Сотовый в роли Сталина.

Сталин: Здравствуйте, товарищи! Владимир Ильич! Погода сегодня просто прекрасная, а вы дома. Мария Ильинична. Непорядок. Позовите службу, охрану и в сад. Подходит к столу. Разрешите. Берёт несколько исписанных листков. «Как нам реорганизовать Рабкрин?» Однако! А я-то всё думаю, как это наш Ильич пишет и пишет. И это не смотря на все запреты врачей. Да ещё и на Пленумах распространяет, к съезду готовится.

Ленин: Здоровой левой рукой поднимает левую согнутую в колене ногу и произносит звуки, имитирующие пердёж. Потом поворачивается в кресле спиной и показывает на свою задницу. Продолжая издавать те же звуки.

Сталин: Мария Ильинишна! Я тут супруге вождя объяснял, что если она не перестанет спекулировать на своём больном муже и поддерживать неправильную часть Политбюро, то мы можем подобрать Ильичу и другую вдову. А сейчас добавляю специально для старого члена партии Ульяновой-Елизаровой. И сестру подберём. Для захоронения рядом с усопшим братом. Вы что пишете-то? Совсем партийным трупным ядом отравились? Предлагаете ввести в новый состав Рабоче-Крестьянской инспекции, которую, кстати, до сих пор я возглавляю, несколько десятков, а то и сотен рабочих от станка. Вы что, искренне верите, если человек работает у станка, так он и есть носитель всего нового, передового? Пролетарий? Да вы бредите. А кто рабочих этих пресловутых будет отбирать? Троцкий с Зиновьевым и Каменевым? Любимец партии Бухарчик? Или и вы вместе с этими моими друзьями?

Ленин опять поворачивается в кресле и рукой показывает Сталину фиги.

Ульянова: Иосиф Виссарионыч. Я ведь не сама всё это придумала. Мне брат о своих задумках говорил, а я только письменно оформляла. Ну, и в Кремле распространяла. Но, ведь это же Ленин! Вождь мирового пролетариата!

Сталин: Да вы с ума сошли. Какого такого мирового? И именно поэтому вы пасквили пишете, поддерживая своих еврейских друзей? Это что такое: «Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть. И далее о том, что, мол, всё было бы правильно, но, вот капризен Сталин, ошибки свои с трудом признаёт, зазнайка, и так далее. Вы это с чего взяли, вот так клеветать на одного из партийных руководителей можно? Сами решили, или Троцкий помогал? Вон про него как в статье гладенько. А Пятакова зачем вообще к руководителям причислили? Если бы Ленин сам писал, он бы такого прокола не сделал.

Ленин одобрительно и громко хихикает, пытается встать, но падает назад в кресло.

Ульянова: Володя! Сиди уж. Скоро кашу принесут.

Ленин опять радостно хихикает.

Ульянова: Товарищ Сталин! Я как на духу! Подкатились ко мне Зиновьев с Каменевым, да и Лева с ними был. Ну, и не устояла! Слабая женщина. Я ведь по их лекалу писала. С заготовок письменных. Только вроде как от имени Володи и его словами. Что ж мне делать теперь? Я искренне раскаиваюсь, пошла формально против вас.

Сталин: Не против меня, а против Генеральной линии партии. Все статьи сдайте Фотиевой. Она перепишет так, как будто Ленин уже давно диктовал, когда ещё мог. Вреда нам от этого большого не будет, но, и малого бы не хотелось. Поэтому, хватит. У Ленина и так томов на сорок трудов наберётся, там ваши статейки гнусные и похороним. Пока ситуация не изменится. Понятно? И, не шалите. Выздоровливайте, Владимир Ильич. Да, не сидите здесь, как Исак на гноище! Или Исав, сами можете самоназвание выбрать! Выходит.

Ульянова: Ушёл, Ирод! У меня, аж, вся спина мокрая. И ниже! Да! Это не Троцкий. Тот только кудахчет, да народишко расточает. А этот просто волк матёрый. Входит, встать хочется, и во фронт. Во силища.

Ленин блаженно улыбаясь и пуская слюни спит в кресле.

Гаснет свет. Затем высвечивается кабинет автора.

Вот сейчас это я лихо завернул, актуально. Надо как то к современности опять переходить. Брыня уже всё сказал. Теперь черёд Маяковского. Пушай поработает. Мужик, говорят, здоровый был. Не сломается!

Световой круг в центре. Электронный отсчёт времени.

Сотовый в роли Маяковского: Время! Начинаю про Ленина рассказ. Темень здесь как у Троцкого в жопе!

Карго в роли Когана-критика: Вы уже свету ему дайте. Свету ему! А то Лили Брик и ещё сумасшедшего множества баб мало. Загорается свет. Интерьер московской пивной того времени. За столиком Маяковский и Коган: Приятно видеть человека, который везде побывал, не исключая организм Троцкого!

Маяковский: Какой всё же ты местечковый. Весь из себя мешанский. Так и вижу, как ты под портретом Карлы-Марлы, за круглым столом с плюшевой скатертью и свисающим вниз абажуром, чай с купчихой кустодиевской кушаешь. А канарейка поёт, поет... Не видишь ты что ли, что пришла пора нам и на самого Ленина замахнуться? Снять его с пьедестала божества, восславить и представить самым человеческим человеком. Даже сама смерть которого стала неслыханным величайшим революционным организатором. Ты прикинь, какая рождается фразочка: Призрак Коммунизма по Европе рыскал, уходил и вновь маячил в отдалении. По всему поэтому, в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик-Ленин! Ну, и далее в тему! Трам-тарам! Бабах! Сопли наперевес. Ура! И Пушкина туда же приплету! Чего ему, упокойнику, будет? Пускай тоже в атаку идёт!

Коган: Пан официант! Кто же здесь подаёт? Мне пару пива, рыбка, сухарики и горошек мочёный. А моему визави стакан анисовой, ветчины с хреном и рульку! Ну, не может величайший поэт современности долго ждать. Да ещё и с похмелюги! Теперь к тебе, Володя! А кто ты такой, задам я тебе простой еврейский вопрос? Может ты Луначарский, Мудрейко, или Кудрейка? Или, даже, вся Политбюро? Авторитет у тебя подмоченный. Вспомни Политехнический, где ты выступал. Ты думаешь тот плюгавый, под рабочего паренька прикинутый фраер, был от себя? Который спросил, а где вы были в Гражданскую и почему в партию большевиков не вступили? Я таки-верю, был он от известной организации. И это, Володя, не Пролеткульт, а ОГПУ. То что ты с Бокием по бабам ходишь и водку пьёшь, ничего не решает. Вон и Лилька твоя чуть не по рукам пошла! А ты на Ленина замахнулся! Правда, время удачное, годовщина Октябрьская, но может так и так обернуться. И получится может: Я напротырку, хошь на Бега, а хошь в Бутырку. Везде без очереди я. И первым. А за мной друзья!

Маяковский: Не каркай! Кто убогого обидит, трёх дней не проживёт. Это я про себя! Ты лучше скажи про начало поэмы о Ленине.

Коган: И скажу. Четыре фразы всего, а над тобой одна половина человечества смеяться будет, а другая примется тебя превозносить. Которые строй не любят, за формализм с модернизмом поедом-поедят. А которые в агитках нуждаются, те превознесут, но, нет гарантии, что только после смерти! Распнут, так сказать, во весь рост Агитатора, Горлана, Главаря! И не на кресте, как собаку бешеную – на воротах. Володя! Ты ведь не своё на себя берёшь. Я же тебя знаю. Милый, интеллигентный юноша, из хорошей семьи, не без образования. Поэт очень даже талантливый и потому перед толпой беззащитный. А ты поставил себя не только впереди, но, одновременно, и поперёк локомотива истории. Теперь конкретно о начале поэмы. Призрак Коммунизма по Европе рыскал, уходил и вновь маячил в отдалении. Володя! Закручено лихо. Сразу внимание привлекает, но, это не есть стихи. Не поэзия это. Я понимаю, что ты тут с Манифестом полемизируешь, или перекликаешься. Это как тебе удобнее. Но, там это вводная к объяснению появления сатрапских режимов и характеристикам руководителей политики многих европейских государств. А у тебя что? Единственно, что ты связываешь с появлением коммунистической идеологии, так это рождение в российской глубинке одного ребёнка! Согласись, версия очень смешная, но, и малоправдоподобная. Даже как поэтическая вольность! У нас в Могилёве говорили» «Мастер Пепка делает крепко». А ты творишь по заказу и на время! Не с твоим талантом бы это делать! Не зарывай талант в землю, а то Хозяин (показывает вверх) тебя же и отлупит.

К столику подходит Брыня в костюме рыжего клоуна.

Брыня: Господа хорошие! Скажите, а как вы относитесь к проблеме освобождения народов юга Африки от ига, наброшенного английским империализмом? Зулусоудушающим образом!

Коган: Чего? Куда наброшенным?

Брыня: Жонглирует взятыми со стола предметами. Прошу извинить, я случайно ухватил самую суть вашего разговора. О жопе Троцкого! В которой друг ваш побывал, пока в сознании

был провал. Хер – не из стали коленвал, его гнетёт девятый вал! Который в жопе побывал! Шутливые стихи. Репертуар мой, слова народные.

Маяковский: Друг мой! Я очень и очень болен. С головой полный беспорядок. Не могли бы вы сообщить о всей сумме ваших к нам претензий, а потом, не соблаговолите ли вы пойти к чёртовой матери. Нет! Пойдите! У меня вдруг ваше безумие вызвало вдохновение. Читает: Нет, Есенин! Это не насмешка! В горле горе комом, не смешок. Даже если целью перебежки опрокинутый ночной горшок! Тьфу! Ты, рыжий, меня заразил.

Коган: А вот я вижу существо, которое нам в целях опохмелки и пригодится может. К столу подходит цыганка.

Цыганка: (это Нинель) Гадаю по рукам, на кофейной гуще, картах Таро! Гуща и Таро свои. У меня нету.

Клоун: Так я присяду. Прошу извинить, заказать что-то я и сам могу. Просто предмет вашей учёной беседы так потряс моё воображение, я не выдержал и вмешался. У меня раз знакомая говорящая собака была, так всё в дурака выигрывала. Даже и татуировка есть. «Нет в цирковой жизни счастья». А учёные разговоры я уж очень люблю. Половой! Три поллива, огурец слабозелёного цвета. К моим волосам очень пойдёт! И связку баранок. Я её с собой возьму, в цирке зрителям прямо с арены продавать буду. НЭП высмеивая!

Коган: Господа! Предлагаю принять наше сборище за данность. Я, по сути своей, литературный критик. Вот перед вами поэт. Может и великий. Но, несомненно, с большой при***ью! Вдумайтесь, чего он про меня, своего друга и толкователя его мутных стишков, написал! «Что бы разбежался встречных пиками усов калеча Коган!» И это про меня. На такие стихи только поплевать и забыть, а их будут в школах проходить. Вузах! И назовёт меня всяк встречный нам язык! Гонителем гениального поэта, при чём, в силу моей еврейской зловещей сущности. Теперь ты, рыжик! Соври чего. Не из области политики. Там и без тебя клоунов выше крыши!

Клоун: Я, вообще-то, даже не сен-бернар. Так! Пописать вышел. А вот один муж с женой поехали на ярмарку, а когда все товары продали и домой подались, случилось страшное. Разбойники деньги отобрали, жену и лошадь изнасиловали, а хозяина к дереву привязали. Ими руководил всем известный красный командир Григорий Котовский. По приказу Троцкого. Вот такая история. Вы не поверите, так лошадь ещё и подмахивала!

Цыганка: История не знает сослагательных наклонений. Вот если бы я была не цыганка, а Наталья Ростова, то первым бы у меня был Пьер Безухов, а не та кадушка с огурцами, на которую я упала с воза на ярмарке и таким образом лишилась девственности. От судьбы не уйдешь.

Коган: А мой отдалённый родственник, некто Супель, охотно помогал девушкам в вашем положении. Плати, и ты девица. Давай как птица. Всеми народу. Красавцу и уроду! Володя! А ты чего задумался? Пей! Если звёзды зажигают, а вино продают, значит это кому-нибудь надо? Тут с тобой трудно не согласиться.

Маяковский: Пойду к себе, в комнату-пенал наЛубянке. Забудусь сном. Цыганка! Как у тебя со временем и потребностями в деньгах. Могу одно украсть, а другое прибавить.

Нинел: Трахаться что ли будем?

Маяковский: Нет! Звёзды в окошке считать. Ты там по подоконнику раскинешься. Так считать удобнее! Идешь?

Нинель: Иду! У меня как раз всё с собою, делов-то! Лишь хвост трубою!

Клоун: А вы как относитесь к мысли посидеть ещё, поболтать, языком, конечно, а не ногами? Некоторые, вообще, говорят-взболтнём яйца! И гоголем-моголем, гоголем-моголем потчуют!

Коган: Наливай! Клоун хлещет водку с критиком. Оптимистом будь, не нытиком! Без поэтов, что с цыганками, сами мы займёмся пьянками! Гаснет свет. Зажигается снова. Абсолютно пьяный Коган говорит в настольную лампу как в телефон: Алло, боярышня, дайте мне

Грановитую палатку. Боярина Шуйскера к аппарату. Кто говорит? Цай говорит. Борух Годунович. Не поняли? Передаю по буквам: Циля, Абрам Рабинович с мягким кончиком! Клоун: И тебя я как царя сдам в ЧЕКА, страну храня. Мы тут все стоим на страже, нас не купишь, не подмажешь. А теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться. Пошли, я угощаю. Ты в положение войди, мне не страшны твои муди. Содом фольклёру не помеха. От клоуна умрёшь со смеха! Гоморра не предстанет Адом, коль к Аду повернуться задом!

Трибуна в Думе.

Брыня: Товарищи! Вот такие исторические возможности нам предоставляет современная техника! Два среза истории России. Правда жизни и легковерие. Прямо цирк! О чём я и упоминал вначале, это, господа-товарищи, не предел. А уж не заглянуть ли нам в будущее? Светлое, разумеется. Голос с места.

Депутат Супель: Пора прекратить этот балаган. Мы, как представители социал-демократии...

Брыня: Ренегаты Каутские. И прочие неудобопочитаемые Троцкие!

Супель: Я требую от председателя оградить нас от навязываемого этими клоунами тона. Страдая и веря...

Брыня: Страдая от отсутствия поддержки избирателей и веря, что за граница вам поможет. Сами клоуны. Нашей партии уже столько лет, сколько ваш руководитель хвастается своей принадлежностью к десантуре. Но, это, если сила есть, то, может, ума и не надо. А если ни ума, ни силы? Правильный у вас звериный девизчик был. Мелкая такая сволочь с носом по ветру, и живёт отбросами. Это вы в точку! Выхухоли вы! Хуливыхоли! Ох! Прошу прощения, оговорился, как ваш сторонник Позднер с Первого канала. Тоже выхухоль! Так денежки всеми своими тремя паспортами и сосёт. Хулиобразно! С трёх стран. И это уже не говоря о истинной родине франко-русско-американского еврея. У которого, Отечество там же, где оно у пролетария. В глубокой дупе выхухоли!

Председатель: Всё, господа! Заседание окончено. Договорите под пиво с раками в буфете. Между нами-депутатами и прочим, каламбурчик! Так сказать, игра слов гения!

На сцене декорация. Райские облака. Дорога. Стена. Привратник. Он же автор.

Привратник: А кто это там к нам? Ба! Какие люди! Приветствую вас. Как поётся в популярной в определённых кругах песне «Встретил их в вратах апостол Павел. Комендантом Бог его поставил» И это всё о нём. Мне, то-есть. Попрошу представиться. Я прекрасно осведомлён о сложностях существования душ в телах временного содержания. Не надо подробностей сразу. Коварных сомнений заразу. Слепите себе для допроса простое решение вопроса. Виновен, иль нет, и безгрешен. И всякий ответ будет взвешен, исчислен, измерен, прокачан. А весь приговор однозначен. Сам Пётр здесь в небесном ГУЛАГе, по камерам селит в общаге. И он здесь хранит все ключи. И ходят под ним палачи! Восславим мораль от природы, вступите же в рай пешеходы! Пусть вас очищает страданье. Петруша! Поддай в назиданье! Два ряда ангелов пропускают между собой пришедших, лупя их арфами, лютнями и сборниками псалмов.

Общая камера. В ней Карго-Супель, Нинель, Сотовый и Брыня. Все в своих первоначальных ипостасях.

Сотовый: Зря они так. Я – существо дохристианской эры. Мне отсюда уйти, как Фоксу высморкаться! Пытается войти в стену. Бля! Внутри сплошь охранительные знаки Перуна! И током лупит, как Сварог молниями. Куда это мы попали?

Брыня: В Рай, не видел что ли ангелов с архангелами. Новые технологии. Куда тебе, домо-вику-старинушке, против божественной техники. Только рога о стену пообломаешь.

Сотовый: Откуда у меня рога? Я же не сатир, или, там, чёрт. Я тихий и ласковый домовый. Дома охранитель. От несчастных случаев. Даже шалости у меня невинные. Молоко у коровы выцедить, или лошадям гриву в косички заплести.

Супель: Требую адвоката. Мне не по чину в христианском раю обретаться. Ибо, иудей есмь! До самого обрезанного кончика! Не носа, естественно!

Нинель: А я рада! Никогда не думала, что при моей профессии и в рай. Счастье-то какое! А что лупят здесь и в камерах держат, так я вам так скажу. Иногда хорошая отсидка предотвращает очень большие неприятности. Я помню одному купчине поплохело после «малинки», так мы его с «котом» еле до люка дотащили и в речку Неглинную скинули. Купчик даже не чирикнул, а в сыскную пропел кто-то. За «кота» взялись и ко мне тихой сапой подбирались. Так я в долговую яму села. И никто меня не нашёл. А потом один из сыскарей мне говорил. «Во время.» Кот твой по-этапу в каторги захромал. На восемнадцать лет. А тебя не сдал. Так что живи, людям бремя половое и кошельки облегчай, и про ближних своих, нас, не забывай. Глядишь, и мы тебе тоже «на случай» пригодимся. И – замуж. Пора своим хозяйством обзаводится. Я говорю, как замуж, при моей профессии? А что муж скажет? А они мне и говорят. Во-первых, ты с разбором женись. На человеке при понятиях. Можно и сыщике бывшем. А, во-вторых, ты мужу то объясни, Манда не лужа, обслужит и мужа. А деньги они для семейного счастья главное. Мы то знает, есть у тебя и способности и сбережения. Так что хер тебе в руки, по профессии твоей, и вперёд! А мы поддержим!

Брыня: Ну, и как? Замужем? Я помню с арены стишки пел на данную тематику. «Не ходите девки замуж за Ивана Кузина. У Ивана Кузина протез из кукурузины. А у Ивана Ильича хер отлит из кирпича. Он с водой не за одно. Тянет хер его на дно. Девки раз в саду гуляли, хер нашли и потеряли. Девки плачут и рыдают. Их надежды быстро тают!» Ладно! Попробую я дёрнуть из этого рая! Пытается подлезть под дверь, просочится через решётки окна. Ничего не получается. Открывается дверь, и входит Автор. Он в мантии судьи:

Господа-товарищи! Встать, суки, когда к вам разговаривают! Что, говны, попались? Вот и конец всем вашим махинациям пришёл. У нас не забалуешь. Контрразведка доложила точно и пошёл неслыханный посыл. Ты сперва в Аду отслужишь срочно, а затем в Раю ты будешь мил. Слушай Постановление райской Тройки. Мы, нижеподписавшиеся, апостолы Пётр, Павел и, зачем-то примкнувший к нам Симон, постановили:

1 – Домового Сотого сослать в Ад без права переписки и ограничения срока. В круг, где мучаются дохристиане.

2 – Нинель Неудавако оставить в составе хоз. услуги в здешнем пенитенциарном заведении с правом осуществления всех доступных ей функций. Ударная работа поощряется. Филигранная-приветствуется!

3 – Гражданина Брыня, как существо несуществующее, (суррогатная псевдожизнь из анекдотов) приравнять к сказочным джинам, заточить в сосуд и утопить в море. С правом дальнейшего использования в случае случайного обнаружения.

4 – Гражданина Супеля признать очищенным, не имеющим грехов и сжечь в срубе, как когда-то сожгли Жанну Д'Арк. То-есть, понарошку и не до смерти. С последующим приравнением к системе Чёрных дыр Бетельгейзе, где он и будет трудится пульсаром до полного схлопывания вселенной.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Приводится в исполнение немедленно.

Оркестр! Сыграйте нам на прощание чего-нибудь весёленькое. Марсельезу, например. ЗАНАВЕС.

И тут же поднимается опять.

На сцене актёры в обычной повседневной одежде. Круглый стол, самовар, стаканы, баранки и торт. Бутылка кагора в центре. Сцена представляет из себя кабинет художественного руководителя театра.

Режиссёр: (Супель-Карго) Ну, вот, господа. Мы и на классику, так сказать, внимание обратили. Пьёска ничего себе. И современность, и церковь под ударом. Всё будет как у людей. Главное, народ пойдет посмотреть. А там разговоры, твиттер-миттер, блогеры. И мы на щите. И при бюджете. С такой вещицей и в Америку можно. Да вы пейте чай. Кагор откройте. Вино полей, вино земляничное, Нинель Ивановна, как вам роли ваши?

Нинель: Сложно! Разброс большой, слов мало. Но, знаете, как автор один говорил. Надо, что бы словам было тесно, мыслям просторно. В этом смысле всё в порядке. Мне нравится!

Брыня: А мне не очень. Слишком много недосказанного, а, иногда, и очень откровенного. Боюсь-не поймут. Показывает наверх. Согласовать бы. Хоть и с Медынским. Или уж сразу у Пескова спросить. Дело творческое. Можно и вверх ногами в трубу. А оно нам надо?

Сотовый. Всё, товарищи! Мне на телевидение. Я там в сериале хриstopродавца играю. Побежал. Деньги-оно святое. Тут то ли будут мани, то ли нет, а за сериал уплочено.

Супель: Ладно, г оспода. Будем считать собрание театрального коллектива окончанным. Всем до свидания!

ЗАНАВЕС!

Арабская сказка

Сидят в гнезде три коровы, а одна и говорит: Вон гляди, бегемот полетел в дупло. Другая почесала рогами ногу и заметила: Делов то! У них там гнездо! На что первая ответила: Не гнездо, а улей! И тогда, о повелитель Вселенной, прекратила Шехерезада дозволенные речи. Ибо, прошла ночь, и наступил новый день. Я сам вчера эту историю по телевизору слышал. Аладин рассказывал. Творчество народов мира-называется. Тысяча и одна ночь. Там таких сказок, на тысячу ночей хватит. А может и более. Если хочешь, могу Аладина позвать. Он-то точно знает. Сам с Шехерезадой этой живёт. Но, прямо сказать, женщина эта – есть на что приятно посмотреть. И в руках подержать. Прямо про неё поэт сказал: Есть женщины в арабских селения. Султанша, истинно, султанша. Царевна шамаханская. Настолько бабочка приятная, спереди и сзади, то-есть, что можно приятно глазом зацепиться! И зависнуть! Открывается занавес. Верховный, Просвирня и Бобо-Назар о чем то беседуют.

К сидевшим на просцениуме присоединяются прочие персонажи. Декорации тронного зала.

Ведьмак Бенджамин Пакля: Ваше Высокое. Только что ко дворцу прибыл на сизом волке, запряжённом в рыдван, некто. Отрекомендовался Моисеем Фульвовичем. Из граждан Рима. С верительными грамотами. И конфиденциальной беседой.

Верховный: А надо то чего ему? Слышь, везирь! Просвирня! Оглох ты что ли?

Бобо-Назар: А он у меня втихаря в камень, ножницы, бумага округ Колумбия выиграл. Требую сатисфакции, то-есть удовлетворения.

Верховный: Я вот сейчас Васю-рваного позову, нашего официального маньяка, тот тебя удовлетворит. По-полной. Ишь моду взяли. Округ этот под юрисдикцией центральной власти. Моей. А вы его чуть не в очко? На своё играйте. Расточу. Рапсплющу. Рассосредоточу! Посыл понятен? Всё, все глохнут. Назар! Ты министр войны! Какие у нас дела с Римом? Это, вообще, где? Строй какой? Армия? Если не ответишь, я тебя точно подвергну. И на Везиря стрелки не переводы. Всяк из вас за своё ответит.

Ведьмак: Ваша сясь, мне бы выйти. Я по надобности. Тут у одного дурачка «Книга мёртвых» в магазине стоит. Надо зайти, прицениться. А там, воля ваша, может и в казну отберём. Ну, зачем живому книга мёртвых? А будет мёртвым, тем более не понадобится. Я доступно излагаю?

Верховный: В пределах разумного. Иди. Только читать сам не вздумай. Один баран, вроде тебя, купил вот так сборничек, принёс домой, читать начал. Так там теперь Мёртвое море. Как говорится «Нонче в том доме никто не живёт. Плачет ночами над прошлым угод». И ещё. Чего ты моду-то взял во всяких гадов сказочных прямо во дворце перевоплощаться? Вчера моя любимая верблюдица, что была на сносях, через тебя, подлюшного урода, скинула. Это как? И любой скинет, к оли в натуре увидит человека из собственной кожи выходящего. Причём, кожа продолжала целенаправленное движение. А сам ты в фонтан отдохнуть прилёт. Запакостил там всё. Были рыбки золотые, тритоны, а теперь там крокодильчики развелись. Ещё раз выход из себя с такими эффектами увижу, берегись...

Пакля: Так ваша сясь. Там такая история вышла. Буквально, заставили меня на это пойти. Я ведьмак приличный, высоконравственный, а Гюльчатой... Ну, вы ж с ней дело имели. Лечились ещё... От сладострастия...

Верховный: Иди уж! И с книгой разберись! Да! Позови там этого, Вульвовича. И что за имя такое, прости господи? Ну, Назарушка, давай про Рим докладдай.

Бобо-Назар: Мы, в натуре, погорим, коли нас придавит Рим. Это царствие такое. С ними лучше жить в покое. Быть вассалами, не ссать, в жополизы пролезать. Ибо ихий имперор – это

подлинный хорор. Да и армия такая, что прощай страна родная, и твоя, владыка, власть. Рим захочет, ты не в масть!

Верховный: Распустил сопли, дурак! Чего ты стихами заговорил? Здесь все свои. Кроме, может, тебя! Силён Рим, так и мы с обхождением. А вот главным по лизанию, как министр войны, ты и будешь. Ублажай, братец! Нам войны без надобности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.